
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Д.З. Шапиева

Кафедра лексики английского языка
Московский государственный педагогический университет
просп. Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

Статья посвящена сущности, классификации и специфике использования метафоры в политическом дискурсе СМИ. В данном исследовании рассматривается проблема семантической деривации, обусловленной метафорическим переосмыслением в англоязычных текстах СМИ, посвященных политической ситуации в России.

Ключевые слова: метафора, политический дискурс, семантическая деривация, СМИ.

По словам П. Рикера, «на почве воображения выращиваются переносные смыслы как результат взаимодействия тождества и различия» [3. С. 444]. Именно с воображением связано желание человека использовать привычную лексику в новом, непривычном для нее лексическом значении, что обусловлено семантической деривацией.

Как правило, выделяют две основные разновидности семантической деривации: метафору и метонимию, которые различаются как по своей семантической сущности, так и по функции в языке, причем метафора представляет собой более глубокую семантическую трансформацию, а метафорический перенос, в основе которого лежит сравнение, является в принципе более экспрессивным, чем метонимический.

Механизмы переноса значений в ассоциативных метафорических и метонимических рядах обладают определенной логикой, выявляя различные способы освоения человеком реальности, концептуализации этой реальности, созданием наивной (языковой) картины мира.

Появление комплекса ассоциативных (метафорических) созначений осуществляется за счет использования уже существующих единиц в новых значениях, т.е. за счет полисемии или семантической деривации. Исходное значение слова как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой реальности предоставляет говорящим некую ментальную схему или семантическую модель для осмысления других ситуаций, подводимых под эту схему. Метафорические значения слова — это лишь частный случай «осмысления (интерпретации) одного (нового) через другое (данное)» [1. С. 104].

Поиск смысла метафорического высказывания нацелен на восприятие качественно новой информации, которая предполагает возникновение в воображении образа и уточнение представлений о ситуации, соотносимой с метафорой. Эта качественно новая информация представляет собой единую картину, возникающую в сознании в результате синтеза образного и референтного потоков информации.

Метафора, по мнению А. Ричардса, — это результат одновременного существования двух мыслей, которые дают в своем взаимодействии «значение более

богатое, чем каждый из этих компонентов взятый в отдельности» [4. С. 50]. Сущность метафоры в концепции А. Ричардса состоит в поиске путей ее смысла.

Как нам представляется, важнейшее предназначение метафоры состоит в увеличении числа связей между явлениями мира, в открытии нового, парадоксального родства вещей, их тайного подобия.

Типология базовых когнитивных метафор, порождающих массу частных метафор и находящихся свое выражение в конкретном языковом материале, разрабатывалась в трудах Дж. Лакоффа, М. Джонсона. Данными исследователями выделяются, в частности, следующие типы метафор: 1) *структурные*, концептуализирующие отдельные области путем переноса на них структурной организации других областей, 2) *онтологические*, категоризирующие абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве, 3) *сопровождающие*, представляющие процесс коммуникации как движение смыслов, наполняющих языковые выражения, по каналу, связывающему говорящего и слушающего, 4) *ориентационные*, связывающие непространственную концептуализацию с пространственной и коренящиеся в физическом и культурном опыте; 5) *контейнерные*, представляющие смыслы как наполнение конкретных языковых единиц; 6) *строительные*, описывающие смыслы макролингвистических объектов состоящими из «блоков» более мелких смыслов [6; 7].

В научном дискурсе наиболее ярко проявляется концептуальная метафора, представляющая собой результат метафорического процесса, целью которого было создание нового понятия (концепта). Как и другие типы, концептуальная метафора, по мнению Е.О. Опариной [2], проходит через стадию образного подобия, переходящего во внутреннюю форму языкового выражения и умирающего в новом наименовании, как только цель достигнута.

Концептуальные метафоры не только конструируют систему понятий человека, но и участвуют в формировании его ценностной системы, обозначая явления, составляющие среду нашей жизни и непосредственно нас затрагивающие, используя наименования предметов и явлений, также переживающихся лично, через собственный опыт. Все это усиливает их оценочный модус. Так, в медицинской терминологии и в профессиональной речи врачей «болезнь» — это просто факт. Однако в общеупотребительной лексике это существительное имеет отрицательные коннотации, так как в человеческом опыте, отображаемом языком повседневного общения, болезнь переживается эмоционально: нам известно, что с ней связаны многие негативные состояния и ситуации.

Выделение концептуальной и образной (или экспрессивной) метафоры имеет место во многих работах Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телии. Л.М. Алексеева и многие другие лингвисты говорят о терминологической (и/или научной) метафоре как особой разновидности. Понятие научной метафоры в когнитивном аспекте успешно разрабатывается в современных исследованиях, из которых следует, что главной характеристикой научной метафоры является широкая, абстрактная, трактовка, а также определенная гипотетичность предполагаемых свойств исследуемого явления.

Исследуя роль метафоры в политическом дискурсе А.П. Чудинов уделяет особое внимание разновидностям метафоры, связанным с исходными понятийными сферами «Криминальный мир», «Театр», «Болезнь», «Флора», «Фауна», «Родство», «Дом», «Человеческое тело», «Прецедентное имя» [5. С. 162] и т.п.

Данный исследователь обращает особое внимание на такие признаки метафорического переосмысления, как исходная понятийная область (сфера-донор, источник метафорической экспансии); новая понятийная область (ментальная сфера-мишень, направление метафорической экспансии); типовые для данной модели сценарии, отражающие наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций; относящиеся к данной модели фреймы; компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц и т.п. [5. С. 44—45].

Обращая внимание на особенности репрезентации образа России в современных англоязычных СМИ, мы можем убедиться в тесной связи того или иного типа метафорического переноса с прагматической спецификой конкретного публицистического текста, обусловленного определенным отношением автора текста прессы к политической картине мира.

Политика, как неуловимое соединение умственной, речевой и социальной деятельности человека, осмысляется в тех же базовых образах: машины и механизмы, дороги как частного случая метафоры «канала» и связанных с ней средств передвижения, растения, войны, более честной — спортивной борьбы, причем особую роль в осмыслении политики как неискренней деятельности играет метафора театральной игры.

The Games are emerging as a test for Russia, which hopes to show off its global standing with a successful Olympics, much as China used the Beijing Games [The Wall Street Journal, 14 November 2008].

Автор данной политической статьи рассматривает предстоящие Олимпийские игры в Сочи как своего рода тест или испытание (*test*) для России. В этой связи он сравнивает Россию с Китаем, где не так давно неплохо прошла Олимпиада. Однако, по его мнению, многие надежды, возлагаемые мировой общественностью на Россию, могут оказаться напрасными, поскольку российские власти устраивают своего рода шоу, спектакль (*show off*), пытаясь ввести в заблуждение мировую общественность. В данном случае журналист использует метафору для того, чтобы наглядно продемонстрировать, что уверения российских властей в успешной подготовке к Олимпийским играм не более чем театральная игра, а потому нужно быть настороже.

Образная в большинстве случаев метафора включается в политическую прессу как лексическая единица и тем самым почти ничем не отличается от любого другого слова, если бы не образность и предложение не буквально воспринять, а интерпретировать метафорическую загадку. Однако метафора, закрепившаяся в политической прессе, почти перестает восприниматься как нечто необычное, превращаясь в газетное клише, лишенное экспрессивности, значимой для необыч-

ной и не использующихся в других политических статьях как своего рода шаблон метафоры.

*Europe has been **bending over** backwards, trying to be nice, but had made little impression on Russia's leadership, Lucas said. If EU foreign ministers agree next week to resume strategic partnership talks with Moscow, broken off during the Georgia crisis, Moscow is likely to **read the move** as a further **sign of weakness*** [The Guardian, 6 November 2008].

Использование метафорически переосмысленного глагола *bend over* обусловлено тем, что автор данного политического текста сравнивает Европу не столько с тружеником, пытающимся взять на себя непосильный труд и потому сгибающимся от тяжести, а с прислугой, пытающейся угодить своему хозяину, в качестве какового журналист представляет Россию.

Данная метафора когнитивно связана и с другими метафорами, употребляемыми автором — прежде всего *sign of weakness*. Автор данного политического текста упрекает Европу в слабости, в качестве каковой он рассматривает именно несамостоятельность политической позиции от России, желание лидеров европейских стран закрывать глаза на царящие в России произвол и беззаконие, нарушение прав человека. Использование метафоры *read* в данной статье связано с интерпретацией, пониманием Россией того, что она может использовать Европу в своих политических целях, поскольку последняя не проявляет политической воли, а готова в большинстве вопросов идти на компромисс.

Метафора обеспечивает постоянное переосмысление привычных слов и понятий, гарантирующее новые возможности взгляда на мир, расширение и улучшение человеческого знания и способности понять, соотнести, казалось бы, несоотносимые вещи.

*The west has to stop thinking of itself as a **crusader for democracy**, which it is in no better position to guarantee in the Caucasus than it is in Iraq or Afghanistan* [The Guardian, 14 November 2008].

Религиозная или военная метафора, обусловленная исторической значимостью крестовых походов для европейцев, *“crusader for democracy”*, используется в данной статье в качестве оправдания агрессивной политики, рассматриваемой как своего рода миссия, связанная с отстаиванием христианских ценностей.

Основой метафоры является сходство, усматриваемое говорящим между двумя сущностями. Сравнение, лежащее в основе метафоры, является скрытым, так как оно эксплицитно не выражено, а лишь подразумевается, что во многом обеспечивает экспрессивность неоднозначной интерпретации метафоры, благодаря которой публицистический текст становится более интересным и запоминающимся.

*Pride has also surged in the **wake** of the August war in the South Caucasus, where Russian troops humiliated Georgia's US-trained armed forces* [The Washington Times, 19 November 2008].

В данном случае метафора *wake* чрезвычайно экспрессивна, поскольку рассматривает российско-грузинский военный конфликт как живое существо, просыпающееся время от времени, чтобы повергнуть мир в хаос.

Художественность публицистической статьи современной политической прессы служит своего рода магнитом, притягивающим читателя к газетному тексту, богатому метафорическими смыслами.

*In Russia, Mr. Obama's election is not being **hailed** as the **dawn of a new age**, as it is in much of the rest of the world. Instead, the media present it as evidence of America's **decline**, and unless some other hostile power hurries up and gets there first, the Kremlin is where Mr. Obama's first test will originate* [The Washington Times, 12 November 2008].

Метафора **dawn**, например, употребленная в данном политическом тексте, обусловлена рассмотрением прихода нового Президента США к власти как своего рода рассвета, утренней зари. Используя данную метафору, журналист выражает свое оценочное мнение, а именно недовольство бывшим президентом США и желание сделать свою Родину новой, полной жизненной энергии.

Использование слов в переносном значении представляет собой пример языковой игры, обеспечивающей необходимость постоянного вычитывания и перечитывания, осмысления и переосмысления метафоры на основе контекста статьи, предлагающего определенные подсказки к интерпретации метафоры. Необычность ассоциативных связей и самой языковой формы метафоры придает общественной публицистике своеобразие, свойственное художественной литературе, также часто использующей различные фигуры речи.

*On Wednesday, Nov. 5, Russian President Dmitry Medvedev, in a Kremlin address, presented his country as the **victim** of an aggressive American foreign policy: "From what we have seen in recent years, the creation of a missile defense system, the **encirclement** of Russia with military bases, the **relentless** expansion of NATO, we have gotten the clear impression that they are testing our strength", he said* [The Washington Times, 12 November 2008].

Использование, например, в данной газетной статье метафоры **victim** обусловлено тем, что Россия рассматривается как живое существо, приносимое в жертву божеству, причем в качестве божества, требующего крови, политик, использующий данную метафору, рассматривает другое государство, а именно США.

Прагматическая задача политической статьи состоит в убеждении читателя, для чего разрабатывается специальный сценарий и конкретная логика аргументации, которые во многих случаях обеспечиваются использованием метафорических переносов. Далеко не все приводимые автором газетной политической статьи ссылки, оценки, комментарии опираются на факты, ведь автор может поставить перед собой задачу любой ценой убедить читателя в своей позиции, для чего и использует не логический анализ событий и явлений, а сложившееся общественное мнение, которое часто находится под воздействием различных технологий, использующих метафору как эффективное средство убеждения. Метафора во многих случаях помогает переосмыслить привычные стереотипы поведения и отношения к политическим событиям.

*The speculation that once rattled around the capital after Putin **restyled** himself as prime minister — whether the two men would **clash**, whether Medvedev would try to **eclipse** his onetime mentor — has fallen away* [Los Angeles Times, 14 November 2008].

Использование метафоры *eclipse* в данном случае обусловлено желанием нового российского президента лишить блеска того, кто сделал его своим преемником. В данном случае в качестве небесных светил в газетном тексте представлены политические деятели, а под светом, который они излучают, подразумевается популярность среди населения, рассматриваемого в качестве избирателей.

Метафорический перенос возникает на основе актуализации потенциальных сем производящего номинатива, вследствие выбора определенных параметров модели метафоризации, что способствует активному проникновению общеупотребительной лексики в политическую прессу. И это взаимообогащение общеупотребительной лексики и политической прессы служит важным рычагом развития языковой картины мира, постоянного поиска новых смыслов.

*It is easy to be distracted by Vladimir Putin's **footwork** as he seeks to **extend** his hold on power in Russia. It would be equally easy to lose sight of Russia's new financial weakness, and how that could **undermine** his influence, whether as prime minister or as president again [The Times, 21 November 2008].*

В данном случае лексема *footwork*, традиционно интерпретируемая как «работа ног (в спорте, танцах)», метафорически переосмысливается как своего рода политическое маневрирование, обусловленное желанием политического деятеля расширить сферу своего влияния.

Лексема *undermine* традиционно интерпретируемая как «делать подкоп, подкапывать, минировать; взрывать, подрывать», получает свой новый, метафорический смысл, обусловленный подрывом и расшатыванием влияния политического конкурента.

*It was Medvedev who, during his state of the nation speech last week, **unveiled** plans to change the constitution [Los Angeles Times, 14 November 2008].*

При использовании лексемы *unveil* в данном политическом тексте ее привычное лексическое значение «снимать покрывало» меняется, появляется новый метафорический смысл, обусловленный желанием торжественно раскрыть свои политические намерения и планы, выдвинуть новую политическую программу и рассказать о ее специфике.

*At the time, Putin demurred. The constitution was **sacrosanct**, he insisted, and should not be altered. Now it is Medvedev who is **pushing** the changes — and Putin who's staying in the **background**, while telling reporters he supports the amendments [Los Angeles Times, 14 November 2010].*

Использование лексем *sacrosanct* (священный; неприкосновенный) и *background* (задний план, фон; незаметная позиция) в данном случае связано с метафорическим переосмыслением. Использование экспрессивно-оценочной метафоры *sacrosanct*, например, обусловлено намерением подчеркнуть, что данным политический деятель уважает современную конституцию и не имеет намерений принимать мер, препятствующих осуществлению прав и свобод граждан, закрепленных в данном правовом акте. Использование метафоры *background* обусловлено жела-

нием подчеркнуть скромность данного политического деятеля, готового уступить другим и занять менее заметное положение.

*The western world was briefly jolted out of its US election **euphoria** this week by less cheerful news from Russia. President Dmitry Medvedev had used his state of the nation address to the Russian parliament on Wednesday — his first state of the nation address — to announce that Russia would station short-range Iskander missiles in its western most outpost of Kaliningrad [The Independent, 7 November 2008].*

Используя экспрессивную и эмоционально-оценочную метафору **euphoria**, автор данного публицистического текста указывает, что радостное настроение и приподнятое состояние в США, обусловленное возлагаемыми надеждами на нового президента США, может быть омрачено, оказаться одной из иллюзий. И в этой связи неслучайно журналист обращает внимание на Россию, Президента тех лет, Д.А. Медведева, который многими политическими кругами мира рассматривался как потенциальный либеральный реформатор, каковым он на самом деле не оказался, на что указывает, например, желание российского Президента накапливать вооружение, обусловленное интерпретацией Западной Европы и США не как друзей и союзников, а как врагов.

Таким образом, политическая пресса представляет собой сплав различных взглядов и мнений, множественность которых обеспечивается метафорой.

Именно при помощи метафоры политические мнения о современной России получают возможность получить экспрессивно-оценочную интерпретацию, создают в сознании читателя определенный образ, смысл которого он должен расшифровать. Читатели политической прессы получают право сами осмыслить и понять предлагаемую метафорическую загадку, которая, следует отметить, объясняется не столько реальным положением вещей в мире, сколько субъективной оценкой их автором того или иного политического текста.

Сталкиваясь в политической прессе с метафорой, читатели в большинстве случаев вынуждены всякий раз переосмыслять значение того или иного слова, использованного метафорически. Однако с течением времени многие из данных переосмысленных лексических средств становятся клише, поскольку тиражируются на страницах других СМИ, использующих не свою новую, собственную, а уже готовую метафору.

Для современной прессы особую важность имеют ключевые метафоры, то есть метафоры, способствующие переосмыслению общепотребительного слова в экспрессивное средство оценки. В этой связи следует обратить внимание, прежде всего, на создание при помощи метафоры образа врага, во многих случаях используемое для оправдания неправомерной политики того государства, в котором данная политическая статья появляется.

В проанализированных нами текстах мы обнаружили метафоры, связанные с такими исходными понятийными сферами, как «Медицина», (**test**) «Физическая сила» (**weakness, victim**), «Война» (**crusader, undermine**), «Распорядок дня (**wake**)», «Время суток» (**dawn**), «Святость» (**sacrosanct**), «Удовольствие» (**euphoria**), что во многих случаях обусловлено желанием журналиста представить российскую действительность красочно и неординарно.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кустова Г.И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // *Вопросы языкознания*. — М.: Наука, 2000. — № 4. — С. 95—114.
- [2] *Опарина Е.О.* Концептуальная метафора // *Метафора в языке и тексте*. — М.: Наука, 1988. — С. 65—77.
- [3] *Рикер П.* Живая метафора // *Теория метафоры*. — М.: Прогресс, 1990. — С. 435—455.
- [4] *Ричардс А.* Философия риторики // *Теория метафоры*. — М.: Прогресс, 1990. — С. 44—67.
- [5] *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. — М.: Флинта; Наука, 2006. — С. 40—154.
- [6] *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. — Chicago: The University of Chicago Press, 1981.
- [7] *Langacker R.W.* *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. — Berlin, 1991.

METAPHORICAL REPRESENTATION OF RUSSIA IN THE POLITICAL DISCOURSE OF ANGLOPHONE MASS MEDIA

D.Z. Shapieva

Department of English Lexicology
Moscow Pedagogical State University
pr. Vernadskogo, 88, Moscow, Russia, 119571

The article is devoted to metaphor definition and classification. It deals with metaphorical derivation specificity in the political discourse of Anglophone mass media concerning political situation in Russia.

Key words: metaphor, political discourse, metaphorical derivation, mass media.

LITERATURE

- [1] *Kustova G.I.* Kognitivnye modeli v semanticheskoj derivacii i sistema proizvodnyh znachenij // *Voprosi Yazikoznania*. — М.: Nauka, 2000. — № 4. — S. 95—114.
- [2] *Oparina E.O.* Konceptual'naja metafora // *Metaphora v yazike i texte*. — М.: Nauka, 1988. — S. 65—67.
- [3] *Ricker P.* Zivaya metaphora // *Teoria metaphori*. — М.: Progress, 1990. — S. 435—455.
- [4] *Richards A.* Filosofija ritoriki // *Teoria metaphori*. — М.: Progress, 1990. — S. 44—67.
- [5] *Chudinov A.P.* Politicheskaja lingvistika. — М.: Flinta; Nauka, 2006. — S. 40—154.
- [6] *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. — Chicago: The University of Chicago Press, 1981.
- [7] *Langacker R.W.* *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. — Berlin, 1991.